

У сегодняшней дерзкой выходки Е Шуанчэна, как ни странно, имелась вполне веская причина.

После того как Е Чжэнь с утра покинул Поместье Е, оставшийся в одиночестве Чжоу Цинцай изнывал от скуки. Не придумав ничего лучше, он решил прогуляться по городу.

Для младшего барица это предложение стало манной небесной. Юноши мгновенно сошлись во мнениях и, едва выскользнув за ворота, направились напрямик в один из самых известных веселых домов столицы.

В тереме утех повсю царил разгул: сладострастно стонали флейты, звенели лютни, а вокруг гостей, подобно ярким весенним ласточкам, порхали румяные девицы. Сняв отдельный тихий кабинет, приятели устроились за столом и потребовали вина.

Поначалу Шуанчэн колебался — в памяти ещё свеж был строгий запрет старшего брата. Он попытался отказаться, однако поддался на уговоры и насмешки Цинцай. Стоило осушить первый кубок, как страх улетучился, и юноша пустился во все тяжкие.

За несколько часов они изрядно захмелели. Слово за слово, хмельной разговор коснулся юношеских лет Е Чжэня, когда тот ещё грыз гранит науки. Заинтересовавшись, Шуанчэн принялся настойчиво расспрашивать приятеля о тех временах.

Цинцай, и в трезвом виде не отличавшийся сдержанностью, теперь, подстегнутый вином, без утайки выложил всё, что помнил.

Рассказывал он о том, каким блистательным умом обладал Глава кабинета в студенческие годы, каким почётом пользовался среди сверстников и как величаво, словно чистый ветер над луной, держал себя в обществе.

Младший брат слушал с замиранием сердца, ловя каждое слово.

— А обо мне? — с надеждой спросил он, прервав рассказчика. — Брат хоть раз упоминал меня перед другими?

Цинцай качнул отяжелевшей головой и пьяно отмахнулся:

— Никогда.

— Да как это возможно?! — вскинулся Шуанчэн. — Враньё, не верю!

— Да уж поверь, — ухмыльнулся собеседник. — Когда мы только познакомились с твоим братом, я и понятия не имел, что у него в Биньчжоу кто-то есть. Все его соученики и близкие друзья были свято уверены, что он — единственный сын и наследник главной ветви рода Е, не

имеющий ни братьев, ни сестёр.

У Шуанчэна внутри всё оборвалось. Словно громом поражённый, он пробормотал что-то невнятное, но захмелевший Цинцай даже не прислушался, продолжая гнуть своё:

— Твой брат — человек особой породы. Обычные смертные для него — пустое место, он на них и взгляда не задержит.

Вскоре Цинцай вспомнил о каком-то неотложном деле. Не став дожидаться возвращения Е Чжэня, он наспех попрощался с приятелем и покинул веселый дом вместе со своими слугами.

Оставшись в одиночестве, Шуанчэн продолжал глушить тоску вином. Обида жгла изнутри всё сильнее. Вспоминая холодное отношение Е Чжэня в последние дни, он со злостью убеждался в одном: брат никогда не считал его родной кровью.

Слёзы обиды подступали к горлу. Десять лет полного забвения и одиночества в Биньчжоу, а теперь — внезапные тиранские строгости...

Всё сходилось. Брату на него плевать. Е Чжэню просто не нужен глупый и бесполезный младший брат.

Вернувшись в Поместье Е хмурым и злым, юноша не нашёл иного способа излить накопившуюся горечь, кроме как закатить безобразный пьяный скандал. Так и разыгралась давешняя сцена с домашним бунтом.

Но ледяная вода быстро вымела из головы винные пары. Теперь Шуанчэн стоял на коленях посреди двора, непрерывно дрожа всем телом, судорожно сжимая мокрые полы халата. Поначалу терпеть ещё удавалось, но со временем колени затекли так, словно тысячи мелких насекомых принялись яростно вгрызаться в суставы. Малейшая попытка шевельнуться отдавалась пронизывающей болью.

Он осторожно вскинул голову. Окна восточного флигеля ярко светились, на тонкой бумажной раме чётко вырисовывался строгий силуэт брата. Ночь вокруг дышала равнодушным безмолвием, под стать ледяной тоске, что свила гнездо в душе провинившегося юноши.

«Пьяный дебош, разгром в Поместье Е, побег в публичный дом, хмель... За любой из этих проступков с меня спустят три шкуры. А тут всё вместе. Е Чжэнь такого точно не спустит»

Юноша обиженно скривил губы. С виду брат казался хрупким, изнеженным книжником в белоснежных одеждах, но стоило ему взяться за дисциплинарную линейку, как в тонких руках просыпалась недюжинная сила. Чистый оборотень с двумя лицами!

Взглянув на бледный полумесяц, сиротливо затерявшийся среди редких звёзд, Шуанчэн

тяжело вздохнул и вновь опустил голову.

Время тянулось невыносимо медленно. Внезапно свет в кабинете погас. Е Чжэнь ложился спать.

Паника мгновенно вытеснила тоску. Если старший брат уснёт до утра, неужели придётся простоять здесь на коленях всю ночь напролёт? Нет, это исключено!

Закусив губу, Шуанчэн, помогая себе руками, с трудом поднялся на ноги. Израненные колени тут же отозвались судорожной болью. Шатаясь и мелко перебирая онемевшими ступнями, он подобрался ближе к окну флигеля и робко позвал:

— Брат...

В ответ — ни звука.

Сглотнув вязкую слюну, юноша повысил голос:

— Гэ, ты уже спишь?

В комнате по-прежнему царил мёртвое молчание.

Тогда, собрав остатки храбрости, Шуанчэн затараторил скороговоркой:

— Брат, я всё понял, правда! Я виноват и больше никогда-никогда не пойду в терем утех и не буду пить вино! Я ужасно устал и хочу спать, можно мне пойти к себе? Обещаю, с этого дня я буду самым послушным братом на свете!

Выпалив это на одном дыхании, он уже развернулся, чтобы припустить к себе, как вдруг из-за закрытых ставен донёсся тихий, бесстрастный голос Е Чжэня:

— Иди.

От неожиданности Шуанчэн едва не растянулся на каменных плитах. Поспешно пробормотав слова благодарности, он, спотыкаясь на каждом шагу, со всех ног бросился в свой двор.

В Восточном дворе его преданно дожидался слуга. Завидев издалека хромающую фигуру хозяина, Цю Мин подскочил с места и бросился навстречу:

— Второй господин! Живой! С вами всё в порядке?

Шуанчэн тяжело дышал, перед глазами всё плыло, а голова казалась налитой свинцом. Он хотел было отмахнуться и сказать, что всё обошлось, но в следующий миг земля ушла у него из-под ног, и юноша мешком рухнул на сырую землю.

— Второй господин?! Второй господин! — в панике закричал слуга, пытаясь поднять обмякшее тело. — Помогите! Сюда, скорее! Второй господин лишился чувств!

Тишину Поместья Е мгновенно разорвали крики. Зажглись многочисленные фонари, сонные слуги и служанки в панике забежали по галереям. Шум из восточного двора докатился и до покоев Главы кабинета. Е Чжэнь накинул на плечи верхнее платье и уже направился к выходу, но у самого порога вдруг замер, о чём-то задумавшись.

Сопровождавший его Фэйсэ, державший в руках тусклый фонарь, удивлённо спросил:

— Господин Е, вы не пойдёте к нему?

Глава кабинета не ответил прямо. Лишь сухо обронил:

— Приведи лекаря.

Слуга склонился в поклоне, но перед тем как уйти, всё же набрался смелости и тихо добавил:

— Господин Е... Второй господин ещё совсем юн. По глупости натворил дел, но ведь и наказание понёс суровое. Наверняка он уже осознал свою вину.

Е Чжэнь лишь неопределённо качнул головой. Его взгляд оставался непроницаемым, скрывая истинные мысли.

Поняв, что развивать эту тему не стоит, Фэйсэ поклонился и поспешил раствориться в ночной темноте, чтобы поскорее доставить врача.

Прибывший вскоре лекарь тщательно осмотрел больного, прощупал пульс и успокоил домашних: юноша всего лишь сильно простудился на холодном ветру. Выписав рецепт, старик забрал причитающуюся плату и откланялся в сопровождении управляющего. На обратном пути старый слуга, нёсший охапку целебных трав, обратил внимание на светлое пятно окна в кабинете хозяина. Высокая, прямая тень Главы кабинета всё ещё неподвижно высилась у стола. Старик тихо вздохнул, покачал головой и поспешил обратно в Восточный двор.

Суматоха утихла лишь глубоко за полночь. В своём кабинете Е Чжэнь, стараясь унять внутреннее беспокойство, раз за разом переписывал наставления великих мудрецов из «Наставление сыну». Наконец, устало потеряв переносицу, он задул свечу и лёг спать, не раздеваясь.

Утром следующего дня Глава кабинета, как обычно, облачился в парадное чиновничье платье: застегнул круглый ворот, затянул узорчатый пояс и аккуратно водрузил на голову шапку уша перед казенным выездом. У дверей его уже ждал Фэйсэ с готовыми носилками.

Под глазами государственного мужа залегли тёмные тени от бессонницы. Задержавшись на мгновение у самых ворот, он бросил невысказанный вопрос старому управляющему, который тут же угодливо подбежал ближе:

— Глава кабинета, жар у второго господина спал, сейчас он крепко спит. Лекарь уверяет, что его жизни ничто не угрожает.

Услышав это, Е Чжэнь лишь молча кивнул и уверенным шагом направился к паланкину. Стоило Фэйсэ откинуть тяжёлую занавесь, как чиновник скрылся внутри экипажа.

Впереди ждал новый день, полный государственных забот и дворцовых интриг. Мерное покачивание носилок помогало сосредоточиться. Закрыв глаза, глава кабинета постарался выбросить из головы мысли о непутёвом младшем брате.

<http://bllate.org/book/18190/1751498>